

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

– Это не убийство, а несчастный случай, – прервал Дронго Морозов. – Я только нанес удар согласно замыслу Шекспира и режиссера Эйхвальда. Если я убийца, то эти двое – мои соучастники...

Чингиз Абдуллаев

Смерть
под
аплодисменты

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Смерть под аплодисменты

«PEN-клуб»

2010

Абдуллаев Ч. А.

Смерть под аплодисменты / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2010 — (Дронго)

«Ступай, отравленная сталь, по назначению...» С этими словами Гамлет закалывает короля – убийцу своего отца. В театре на Остоженке Король, которого играл народный артист Натан Зайдель, оказался заколот на самом деле. Кто-то подложил Гамлету остро заточенную рапиру, и на сцене, под аплодисменты зрителей, произошло самое настоящее убийство. Эксперт по вопросам преступности Дронго вновь и вновь анализирует случившееся. Несомненно, организатор преступления был поистине гениальным режиссером. Стало быть, он из театральной среды?.. Дронго предстоит распутать чудовищный клубок из интриг, ссор, любовных коллизий, зависти и высокомерия – всего того, без чего невозможен театр...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев

Смерть под аплодисменты

*«Фу, гадость! К делу, мозг! Гм, я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья;
Убийство, хоть и немо, говорит
Чудесным языком...»*

Уильям Шекспир. «Гамлет»

«Театр наказует тысячи пороков, оставляемых судом без наказания, и рекомендует тысячи добродетелей, о которых умалчивает закон. Театр вытаскивает обман и ложь из кривых лабиринтов и показывает дневному свету их ужасную наружность. Театр разворачивает перед нами разнообразную панораму человеческих страданий».

Фридрих Шиллер

Глава 1

Шел последний акт великой трагедии. Зрители в зале, в большинстве своем знающие, чем именно она закончится, тем не менее затаив дыхание следили за драматическим финалом. Зал был переполнен. В этом театре уже давно не бывало свободных мест на спектаклях.

Роль Гамлета исполнял любимец московской театральной публики – популярный и получивший признание по многочисленным фильмам заслуженный артист республики Марат Морозов. Ему было уже под сорок, и в его исполнении Гамлет был философом, не понимающим, как могли произойти все эти трагические события вокруг его семьи: новое замужество матери, злодейство дяди, которого он даже любил, непонимание близких, предательство друзей. Он не просто страдал, он играл человека, который не может и не хочет признавать реалии этого мира, но они властно вторгаются в его жизнь, заставляя его поступать именно так, как он поступает.

Гамлет взял свою рапиру, и в этот момент Лаэрт попросил его обменяться оружием, так как его рапира была слишком тяжела. Лаэрта играл молодой актер Федор Шунков, которому было чуть больше тридцати лет. У него было очень характерное, запоминающееся лицо. Узкие вытянутые скулы, темные глаза, нос с небольшой горбинкой. Его мать была чувашкой, и в нем чувствовалось смешение разных кровей. У него были поклонницы, в основном молодые девушки, часто поджидавшие его у выхода из театра.

Король, взяв жемчужину, произнес свой знаменитый монолог о том, что он готов пить за Гамлета, и бросил в вино жемчужину «ценней той, что носили в датской диадеме четыре короля»¹. Короля играл народный артист республики Натан Леонидович Зайдель. Ему было только пятьдесят два года, но он уже был увенчан многими званиями и регалиями, отмечен государственными наградами и считался одним из ведущих актеров театра.

На протяжении многих лет считалось, что основными действующими лицами в этой трагедии были сам Гамлет, его дядя-король, мать Гамлета и Полоний, который уже давно

¹ Здесь и далее текст трагедии У. Шекспира «Гамлет» идет в переводе М. Лозинского. – Прим. ред.

погиб по ходу спектакля и за которого теперь готов был мстить его сын Лаэрт. Роль Офелии обычно доверяли молодым девушкам, начинающим актрисам, обещавшим в будущем сделать неплохую карьеру. Была еще одна роль, которую доверяли известным актерам, – роль могильщика. Здесь можно было использовать гротеск, юмор, скрытое лукавство. Роль давала возможность смешивать различные краски.

Могильщика играл другой народный артист республики – Семен Бурдун, и эта роль также считалась одной из самых лучших в творческом багаже актера. Роль Полония блестяще исполнил заслуженный артист Марк Давидович Догель, уже много лет выступающий в театре. Его Полоний был не просто приближенным короля. Это был человек, искренне убежденный в праве короля на любое злодейство, на любую пакость, на любое преступление. Именно такие люди, готовые на все, и составляли во все времена опору любой тирании.

В сегодняшнем спектакле каждый из актеров играл не просто хорошо. Каждый показывал все, на что был способен. И не только потому, что из своей ложи за ними наблюдал главный режиссер театра и постановщик спектакля Зиновий Эйхвальд. Сегодня в зрительном зале присутствовала большая делегация ответственных чиновников из правительства и аппарата президента, а самое главное – среди гостей был сам министр культуры. Многие газеты уже писали о том, что спектакль будет выдвинут на Государственную премию, и присутствие министра только подтверждало эту версию.

Гамлет и Лаэрт продолжали обмениваться ударами. Оба актера прошли специальный курс фехтования, чтобы их поединок выглядел как можно зрелищнее. Гамлет нанес несколько ударов, и Лаэрт возмущенно посмотрел на него. Острием рапиры Гамлет порвал ему рукав. Молодой актер, исполняющий роль Озрика, громко произнес: «Удар, отчетливый удар». Теперь должна была последовать реплика Лаэрта, но тот молчал. Суфлер снизу дважды произнес его фразу: «Что ж, дальше». Но Лаэрт по-прежнему молчал. Он был возмущен тем, что рапира оказалась заточенной. Он решил, что это новая задумка главного режиссера, о которой ему просто не сообщили, и, растерявшись, не произнес своей реплики. Король-Зайдель понял, что нужно выручать молодого коллегу, и торопливо сказал: «Постойте; выпьем. – Гамлет, жемчуг – твой, пью за тебя. Подайте кубок принцу».

За сценой раздались звуки труб и пушечных выстрелов. Гамлет-Морозов покачал головой: «Сперва еще сражусь; пока оставьте. Начнем». И тут он заметил гневное выражение лица Лаэрта-Шункова, но не понял, почему тот так нервничает. Он легко ударил его по плечу, громко сказал: «Опять удар; ведь вы согласны?» И взглянул на своего коллегу. Тот покачал головой и, показывая на разорванный рукав, зло ответил: «Задет, задет, я признаю».

Король-Зайдель был слишком опытным актером, чтобы не понять раздражения Лаэрта-Шункова. Он помнил о присутствии в зале министра культуры. Поэтому Натан Леонидович несколько веселее и громче, чем обычно, обратился к королеве: «Наш сын одержит верх». Теперь должна была последовать реплика королевы. Она не заметила напряжения актеров и протянула свой платок «сыну» со словами: «Вот, Гамлет, мой платок; лоб оботри. За твой успех пьет королева».

В роли королевы выступала народная артистка Ольга Шахова. Ей было сорок восемь лет, и она все еще сохраняла красоту, стараясь держать себя в форме. Злопыхатели уверяли, что ее молодое лицо и красивая фигура – всего лишь результат работы пластических хирургов, но никто не мог отрицать, что двадцать пять лет назад она считалась одной из самых привлекательных молодых актрис в театре. И сохраняла очарование и красоту до сих пор. Все три ее мужа были известными людьми. Она привыкла к роли примы не только в театре, но и в жизни.

Роль королевы была одной из лучших в репертуаре Ольги Сигизмундовны за последние годы. Она была ненамного старше своего «сына» Гамлета, но в Средние века королевы могли родить и в очень юном возрасте. Реальная разница между ней и актером, игравшим Гамлета, была около десяти лет, а по замыслу режиссера, такая разница была примерно лет в шестна-

дцать. Моложавая королева должна была более остро чувствовать эту небольшую разницу, и упреки сына казались ей особенно несправедливыми. В сцене между ней и Гамлетом она была не только любящей матерью, но и молодой женщиной, отстаивающей свое право на обычное человеческое счастье. Более того, сверхзадача режиссера заключалась и в том, что королева-мать соглашалась на брак с младшим братом своего мужа еще и в надежде оставить сыну королевство без ненужных потрясений.

Король-Зайдель подошел к ней и попросил: «Не пей, Гертруда». Она возразила: «Мне хочется. Простите, сударь». Король отвернулся и потрясенно пробормотал: «Отравленная чаша. Слишком поздно». Он взглянул на Гамлета. Но тот только отмахнулся, сказав: «Еще я не решаюсь пить; потом». Королева обратилась к нему: «Приди, я оботру твоё лицо». Лаэрт наконец опомнился и начал произносить свои реплики. Гамлет привычно произнес следующие слова, предложив Лаэрту не считать его неженкой и биться с полной силой. Лаэрт-Шунков подошел к Озрику и вопреки обычной сцене взял рапиру, которая была в руках Гамлета, когда он разорвал ему рукав.

Они снова начали сражаться, и Лаэрт своей рапирой с силой ткнул Гамлета в плечо, словно мстя ему за разорванный рукав. Гамлет почувствовал болезненный укол и с некоторым удивлением взглянул на Лаэрта. В руках у него был небольшой тюбик с красной краской, который он должен был размазать по белой рубашке, чтобы пятно увидели зрители. Он поднес тюбик к плечу и с удивлением увидел небольшое пятно, расплывающееся на рубашке. Он все равно выжал краску на плечо. Затем почти силой отнял рапиру у Лаэрта, и они снова начали драться. На этот раз Гамлет ткнул Лаэрта в бок, но тот увернулся, и рапира только разорвала рубашку.

Король крикнул, чтобы их разняли. Горацио, роль которого исполнял актер Игнат Сказкин, крикнул: «В крови тот и другой. В чем дело, принц?» Озрик тоже спросил: «Лаэрт, в чем дело?» И тогда Лаэрт, уже заметивший, как на разорванном рукаве проступила кровь, с необычной злостью крикнул: «В свою же сеть кулик попался, Озрик. Я сам своим наказан вероломством». Режиссер Эйхвальд нахмурился. Он почувствовал, что на сцене происходит нечто противное его замыслам – и замыслам великого драматурга. В этот момент по сценарию трагедии королева пошатнулась и начала сползать вниз. Гамлет закричал: «Что с королевой?» Король, пытаясь успокоить всех, пояснил: «Видя кровь, она лишилась чувств». Он поспешил наклониться к ней, протягивая руку. Но королева оттолкнула его руку и крикнула: «Нет-нет, питье, питье. О Гамлет мой, – питье! Я отравилась».

Даже в последний миг она не решилась признаться, что ее отравили, и сказала «я отравилась». В свое время в фильме, который поставил Козинцев, королева крикнула «питье отравлено», но в данном случае более правильный перевод был именно таким, как сказала королева и как написал сам Шекспир – «я отравилась». Даже в это мгновение она не хотела обвинять короля. Гамлет закричал, чтобы закрыли двери и искали предателей. И здесь Лаэрт, упав на пол, произнес свой монолог, рассказав о том, что питье было отравлено королем, а рапира была наточена и тоже отравлена. И он сказал самую главную фразу: «Король... король виновен».

И в этот момент Гамлет, который прекрасно знал, что его дядя виновен в смерти отца, но не предполагал, что поиски истины закончатся смертью матери, крикнул: «Ну так за дело, яд!» И побежал к королю. В этот момент, по замыслу режиссера, он должен был изображать безудержный гнев. Он подскочил к королю и с силой ударил его рапирой. В этот момент актер даже не подумал о собственной ране на плече и негодовании Лаэрта, которому не понравилась заточенная рапира в руках его соперника. Зайдель был тучным человеком высокого роста, и Морозов бил его как бы снизу, чуть наклонившись. Рапира ударила в левую часть груди. Король пошатнулся, схватившись за сердце.

Все закричали: «Измена!» И в этот момент король должен был сказать свою фразу: «Друзья, на помощь! Я ведь только ранен». Но он ничего не сказал, как-то растерянно посмотрел

на Гамлета и рухнул, словно подкошенный. Слишком театрально, подумали актеры, стоявшие вокруг него. Так подумали и некоторые зрители. В зале раздались аплодисменты. Нужно сказать, что, кроме своего слишком театрального падения, Зайдель играл великолепно. Эйхвальд окончательно расвирепел. Он не понимал, что происходит с актерами. Выбежав из ложи, он поспешил за сцену. Такого никто и никогда себе не позволял. В этой сцене, которую многие знают почти наизусть, его любимец, сам Натан Зайдель, умудрился забыть текст, и суфлер ему не подсказал!

Гамлет-Морозов посмотрел на упавшего короля и решил, что тот просто забыл свою реплику. Поэтому, показав на своего дядю, он с гневом произнес: «Вот, блудодей, убийца окаянный, пей свой напиток! Вот тебе твой жемчуг! Ступай за матерью моей!»

Лаэрт подал реплику, предложив простить друг друга. Некоторые актеры недоуменно смотрели на короля-Зайделя. Он лежал как-то странно, раскинув руки в стороны. Гамлет, не глядя на него, начал свой монолог, Горацио вопреки всему не стал отвечать ему, а, подойдя к лежавшему на полу королю, опустился на колени, пытаясь нащупать пульс. Гамлет произносил свои последние слова, сказав: «Дальше – тишина», и закрыл глаза. Теперь Горацио должен был произнести следующие слова: «Почил высокий дух. Спи, милый принц! Спи, убаюкан пеньем херувимов! Зачем все ближе барабанный бой?» Но он только растерянно поднял голову, так ничего и не сказав. Суфлер подумал, что актеры сошли с ума. В концовке этого спектакля все актеры словно забыли свои роли. Он сделал знак Озрику, чтобы тот произнес фразу за Горацио, но тот растерянно смотрел на лежавшего на полу короля-Зайделя. Не дожидаясь реплики Горацио, забили барабаны.

Вошел Фортинбрас со своими офицерами и громко спросил: «Где это зрелище?» И опять Горацио ничего не ответил. Он поднял голову и, словно не понимая, где находится, растерянно смотрел на своих товарищей-актеров. Эйхвальд за сценой грозил ему кулаком, уже не скрывая ярости. Эти негодяи решили сорвать сегодняшний спектакль? Режиссер просто не понимал, что происходит. Увидев его гнев, к Горацио поспешил Озрик и встал рядом на колени.

– Сейчас твой монолог, – прошептал он, – говори быстрее. Тебя все ждут. Эйхвальд тебя просто убьет.

Но Горацио только показал на лежащего короля, растерянно шевеля губами. Озрик наклонился к королю, всматриваясь в его лицо. Затем попытался поднять его голову. Фортинбрас терпеливо ждал, когда Горацио произнесет свои слова, чтобы сказать свои. Пауза неприлично затягивалась. Министр переглянулся с сидевшим рядом с ним начальником управления. Эйхвальд от ярости закусил губу. Он готов был выбежать на сцену и своими руками задушить Горацио. Фортинбраса исполнял не очень опытный актер, которому обычно доверяли играть эпизодические роли. Он смотрел на Горацио, но тот упрямо молчал. Лежавшая рядом на полу королева даже незаметно пошевелилась, чуть приподняв голову. Она взглянула на Озрика страшными глазами. Спектакль срывался из-за упрямого молчания Горацио. Озрик понял, что обязан как-то реагировать. Он встал и подошел к Фортинбрасу, стараясь не смотреть в сторону стоявшего за кулисами режиссера.

– Быстрее заканчивай, – подсказал он актеру, – кажется, у Натана Леонидовича сердечный приступ.

Фортинбрас тяжело вздохнул и предложил своим четырем капитанам взять тело Гамлета и дать пушечный салют в честь погибшего принца. «Войскам открыть пальбу», – сказал он наконец свою последнюю фразу. Затем тело Гамлета подняли и унесли. Занавес закрылся. Зрители, так и не понявшие, почему концовка спектакля была так скомкана, решили, что это был режиссерский замысел, позволявший им продумать всю глубину трагедии самого Гамлета. Так, во всяком случае, на следующий день написал один из известных театральных критиков. Зрители долго аплодировали и благодарили актеров. У некоторых в руках были цветы. Но занавес в этот вечер больше не открылся. Только через две минуты на сцену вышли несколько расте-

рянные Гамлет и королева-мать, которые выглядели как-то странно, и, получив цветы, быстро ушли за кулисы. А исполнитель роли короля – Натан Леонидович Зайдель – так и не появился перед зрителями, хотя обычно они выходили вдвоем, как и полагалось ведущим актерам театра.

На следующий день все газеты и телевизионные каналы сообщили, что в Театре на Остоженке сразу после спектакля умер народный артист республики, лауреат Государственной премии, ведущий актер театра Натан Леонидович Зайдель. Объявили о том, что похороны состоятся через три дня на Ваганьковском кладбище. Уже на следующий день по городу поползли слухи о том, что Зайдель умер не своей смертью, а был убит прямо на сцене во время спектакля. Некоторые даже верили в подобные байки. Другие предпочитали не верить, считая их слишком надуманными и театральными.

Еще через несколько дней было объявлено, что по факту смерти народного артиста республики следственным комитетом при Генеральной прокуратуре России возбуждено уголовное дело и для его расследования назначен следователь по особо важным делам.

Глава 2

Они играли в шахматы, и Дронго отчаянно сопротивлялся, чтобы свести партию вничью. У него была очень слабая позиция, но даже в этих условиях он проявлял чудеса изобретательности. Уступая в качестве, он сумел наконец разменять две свои фигуры на две фигуры Вейдеманиса и, переводя игру в эндшпиль, добился наконец предложения Эдгара о ничьей.

Эдгар Вейдеманис, его напарник и многолетний партнер, начал собирать фигуры в коробку.

– Ты здорово защищался, – сказал он, обращаясь к своему другу, – но у тебя чувствуется отсутствие школы. Первые двадцать ходов опытные шахматисты обычно делают автоматически, а ты каждый раз пытаешься что-то придумать и поэтому с самого начала попадаешь в невыгодное положение.

– Зато мне удается запутать соперника, – возразил Дронго, – но, в общем, ты прав. Учítывая, насколько лучше ты играешь в шахматы, моя ничья – это огромное достижение. Ты помнишь, я рассказывал тебе о моих личных встречах с Гарри Каспаровым?

– Когда вы ходили в бакинский Дворец пионеров? – рассмеялся Вейдеманис. – Ты мне рассказывал эту историю. Счет твоих личных встреч с Каспаровым – два ноль в его пользу.

– Я тогда чуть не заплакал, – признался Дронго, – я ведь старше Каспарова на несколько лет. Пришел играть на соревнования, а напротив меня сидит мальчик, совсем ребенок. Он меня довольно легко обыграл, играя белыми. Я разозлился и предложил ему сыграть снова. На этот раз белые были у меня. Я проиграл еще быстрее. С тех пор и горжусь, что счет наших личных встреч – два ноль в его пользу. Сыграть с Каспаровым, даже когда он был совсем ребенком, – для этого нужно иметь мое мужество.

Оба расхохотались.

– Но тогда ты не мог знать, что он будет чемпионом мира, – заметил Эдгар.

– Есть такая известная восточная пословица, что гениальность ребенка можно определить даже по его... как бы помягче выразиться... какашкам. Вот так, мой друг. Уже тогда было ясно, что он гений. А из меня ничего путного в плане шахмат не получилось. Потом я познакомился с его дядей – известным композитором Леонидом Вайнштейном и много лет дружил с ним. Но играть в шахматы с Каспаровым больше никогда не садился. Глупо устраивать боксерский поединок с одним из братьев Кличко, играть в шахматы с Каспаровым или бегать дистанцию с Борзаковским. Если есть хоть один шанс, нужно пытаться бороться, но когда вероятность победы равна нулю, нужно уметь признавать чужое превосходство.

– Любой другой человек мог бы сказать подобное, и я бы ему поверил. Но только не тебе, – улыбнулся Вейдеманис, – ты все равно ввязался бы в боксерский поединок с Кличко, даже не имея ни одного шанса, и все равно упрямо попытался бы обыграть Каспарова, прекрасно понимая, что он легко выиграет у тебя даже без пары фигур.

– Без трех фигур, не меньше, – вздохнул Дронго. – Но такой у меня дурацкий характер. Не люблю заранее предрешенные результаты.

В этот момент зазвонил его городской телефон. Оба взглянули на аппарат. Первый звонок, второй, третий... Затем включался автоответчик, который сообщал, что хозяина нет дома, и просил оставить сообщение. После некоторой паузы раздался женский голос.

– Вам звонит Нина Зайдель, супруга покойного Натана Леонидовича Зайделя, – сообщила позвонившая. – Простите, что я вас беспокою, но ваш телефон дал мне режиссер Симанков, с отцом которого вы дружили. Извините, что я решила позвонить, но у меня к вам очень важное дело.

Она положила трубку. Дронго взглянул на своего друга.

– Что ты об этом думаешь?

– Это тот самый известный актер, который умер на сцене несколько месяцев назад, – вспомнил Эдгар. – Между прочим, я ходил на его спектакли. Поразительного мастерства был актер. Ведущий актер Театра на Остоженке у самого Зиновия Эйхвальда. А тот справедливо считается одним из лучших режиссеров, и не только Москвы. У него европейское имя и слава блестящего театрального экспериментатора. Его шекспировские постановки приезжают смотреть из Англии. Можешь себе представить?

– Могу, – кивнул Дронго, – я видел «Отелло» с участием Натана Зайделя. Мне понравилось. У него Отелло был не придурковатым афроамериканцем, который умирает от ревности к своей белой супруге и слишком доверяет подлецу Яго, а философом, который пытается понять причины тех или иных поступков окружающих его людей. И еще был просто великолепен Яго. Он наслаждался своим злодейством. Он чувствовал себя глубоко уязвленным своим низким постом и подчинением Кассио, которого ненавидел не меньше Отелло. Ведь тот обошел его по службе.

– Вот видишь. Значит, ты у нас тоже театрал, – удовлетворенно кивнул Вейдеманис. – Будешь ей звонить?

– Обязательно. Говорили, что Зайдель умер от сердечного приступа на сцене. Потом пошли разные слухи, что на самом деле там был какой-то невероятный несчастный случай. Об этом писали некоторые газеты. Меня тогда не было в Москве, но я читал об этом в интернет-ных сообщениях.

– Я тоже читал, – вспомнил Эдгар. – Он был одним из самых известных актеров современной России. Жаль, что все так получилось. Насколько я помню, он был относительно молод. Только пятьдесят два года.

Дронго подошел к столу и включил компьютер, входя в Интернет. Уже через несколько минут он смотрел на фотографии народного артиста республики Натана Леонидовича Зайделя, которые были выставлены на сайте театра. Здесь же был довольно внушительный список его ролей в театре и гораздо меньший список его ролей в кино. Про смерть известного актера газеты писали, что это был несчастный случай: кончик заточенной рапиры попал в сердечную мышцу, вызвав мгновенную смерть. Соболезнования по поводу смерти известного артиста прислали не только ведущие режиссеры и актеры, но и руководство страны. Дронго обратил внимание, что последняя роль, во время исполнения которой погиб Зайдель, была роль короля в спектакле «Гамлет». Закончив чтение, он распечатал некоторые материалы и передал их Вейдеманису. Тот начал читать, Дронго терпеливо ждал. Наконец Эдгар поднял голову.

– Очень интересно. Но не совсем понятно, как он мог умереть на сцене.

– Это мы сейчас узнаем, – кивнул его напарник, придвигая к себе телефонный аппарат. Набрал номер телефона, Дронго услышал женский голос.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он, – это госпожа Зайдель?

– Да, – голос был довольно молодой.

– С вами говорит эксперт Дронго, которому вы недавно звонили.

– Спасибо, что перезвонили, – взволнованно сказала она. – Как мне к вам обращаться?

– Дронго. Меня обычно так называют.

– Очень приятно. А я Нина...

– Простите, как ваше отчество?

– Можете без отчества. Просто Нина. Я хотела бы с вами срочно встретиться. Понимаете, речь идет о моем погибшем муже...

– Понимаю. Где и когда мы можем с вами встретиться?

– Где угодно и когда угодно. Чем раньше, тем лучше. Мне нужна ваша помощь.

Дронго взглянул на Вейдеманиса.

– Если хотите, я могу приехать к вам, – предложил он, – или вы ко мне. Или встретимся на нейтральной территории.

– Как вам удобно. Давайте лучше вы ко мне.

– Где вы живете?

– На Тверской, недалеко от отеля «Марриотт». Я вам все объясню, – она назвала адрес.

– Я знаю это место. Вы будете одна?

– У меня есть домработница. Но я ее отпущу, если нужно.

– Я буду со своим напарником, – сообщил Дронго, – если вы не возражаете.

– Нет-нет, конечно.

– Это обычная мера предосторожности, – пояснил Дронго, – в этом городе есть несколько человек, которым я не очень нравлюсь. Вы меня понимаете?

– Конечно, понимаю. Можете приехать. Запишите мой адрес. Внизу у нас сидит дежурная, которую я предупрежу о вашем приезде. Когда вы сможете приехать?

– Через час.

– Очень хорошо. В таком случае я буду вас ждать ровно через час. Большое спасибо, что вы откликнулись на мое предложение. И еще раз извините меня, что я позвонила сама на ваш домашний телефон. Поверьте, у меня просто безвыходная ситуация.

– Верю. И до встречи.

Он положил трубку. Посмотрел на своего друга.

– Новые приключения Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона, – улыбнулся тот. – Едем вместе?

– Куда я без тебя денусь, – пробормотал Дронго. – И судя по тому, как регулярно ты обыгрываешь меня в шахматы, – это ты Шерлок Холмс со своим могучим интеллектом, а я всего лишь доктор Ватсон.

– Не нужно скромничать, – возразил Вейдеманис, – ты у нас главный эксперт, а я – всего лишь помощник. Игра в шахматы не имеет к этому никакого отношения. Иначе самыми лучшими сыщиками в мире были бы Крамник или Каспаров.

– Между прочим, доктор Ватсон оставил воспоминания об их подвигах, – напомнил Дронго. – А ты хоть бы один раз что-нибудь написал о наших расследованиях.

– О половине из них вообще никогда нельзя будет написать, а другая половина – слишком громкие дела, которые могут привлечь к тебе излишнее внимание. Тебе это нужно? Среди следователей и экспертов Европы у тебя и без того слишком громкая известность.

– Убедил, – кивнул Дронго, – не нужно ничего писать. Пусть я умру безвестным героем.

– С этим повремени, – посоветовал в тон своему другу Эдгар, – надеюсь, что мы еще проживем.

Через час они уже входили в дом. Бдительная дежурная задала им несколько вопросов, а затем позвонила наверх и сообщила Нине Владленовне, что прибыли гости. На шестом этаже их уже ждала хозяйка квартиры. Ей было где-то около сорока. Миловидное лицо с правильными чертами, видимо красивое в молодости, голубые глаза. Уже сильно располневшая фигура, крупные формы. Женщина была в юбке и светлой блузке, которая обтягивала ее и несколько стесняла движения. Очевидно, что после смерти мужа она не очень следила за собой и поправилась. У нее были красивые каштановые волосы. Женщина предложила им пройти в просторную гостиную. Там стояла тяжелая испанская мебель. На стенах висело несколько картин русских художников начала века; на самом видном месте – картина, изображавшая самого Натана Зайделя в роли Ричарда Третьего.

– Чай или кофе? – спросила хозяйка. – Я отпустила мою помощницу, но могу приготовить сама.

– Не нужно, – ответил Дронго, – давайте сядем и переговорим.

– Да, конечно, – кивнула Нина Владленовна, усаживаясь на один из резных стульев с высокой спинкой, стоявших вокруг стола. Гости уселись напротив.

– Я думала, что вы гораздо старше, – смущенно призналась хозяйка квартиры. – Предполагаю, что думает наша бдительная консьержка. Двое молодых мужчин приходят вечером к вдове, – она невесело усмехнулась.

– Тогда хорошо, что нас двое. И уже не совсем молодых, – возразил Дронго. – Насколько я знаю, ваш муж погиб несколько месяцев назад прямо во время спектакля. Все правильно?

– Да. Именно поэтому я и хотела с вами переговорить.

– Мы вас слушаем.

– Дело в том, что он не погиб. Его убили, – сообщила вдова, – и уже несколько месяцев я пытаюсь понять, что там произошло.

– Давайте по порядку. Сначала расскажите, что вам известно.

– Да, конечно, – вздохнула она. – Это случилось в тот вечер, когда в Театре на Остоженке, где работал мой муж, давали спектакль «Гамлет». Вы, наверное, слышали об этом спектакле. Его собирались даже выдвинуть на Государственную премию. Это была одна из лучших ролей моего супруга. – Было заметно, как она волнуется.

– Не нервничайте, – посоветовал Дронго. – Я понимаю, как вам тяжело, но мне важно услышать от вас достаточно беспристрастную версию случившегося. Если это возможно...

– Вы правы. Я должна немного успокоиться... В тот вечер играли спектакль, на котором было много известных людей. Даже министр культуры. Можете себе представить, как играли актеры, понимающие, что в зале находится такая публика!

– Не сомневаюсь, что играли хорошо. Насколько я знаю, Театр на Остоженке сейчас находится на взлете и режиссер Эйхвальд считается одним из лучших мастеров российской сцены.

– И самым лучшим его актером был мой погибший муж, – глухо произнесла Нина Владленовна. – Он играл короля. Вы знаете, какого напряжения и нервной отдачи требует эта роль. И вообще, играть у Эйхвальда вполсилы невозможно. Он не терпит пренебрежительного отношения актеров к своему делу.

Дронго согласно кивнул.

– Они играли последний акт, – продолжала вдова, – помните, когда Гамлет и Лаэрт фехтуют. Здесь все произошло как в реальной жизни. У актера, игравшего Гамлета, в руках оказалась заточенная рапира, и он нанес болезненный удар Лаэрту, слегка поранив ему руку. Лаэрта играл молодой Федя Шунков. Он разозлился и в ходе сцены, завладев именно этой рапирой, ударил Гамлета в плечо и тоже нанес ему рану. Уже тогда нужно было остановить спектакль и разобраться, что там происходит. Но разве можно останавливать спектакль, когда в зале находится сам министр культуры?

Потом они поменялись рапирами, и уже Гамлет попытался ударить Лаэрта, но только разорвал ему рубашку. Они оба не понимали, насколько опасны их «театральные игры». Или делали вид, что не понимают, я не знаю, что сейчас думать. А потом началась знаменитая сцена, где умирает королева и Гамлет кричит: «Ну так за дело, яд!», закалывая короля. Не могу об этом даже вспоминать. Меня не было в тот вечер на спектакле, хотя обычно я ходила на все спектакли мужа. Но именно в тот вечер меня там не было. Гамлет ударил мужа в сердце, как и полагалось по сценарию. И все актеры заметили, как муж дернулся, словно ему было больно. Но останавливать спектакль все равно не стали. Говорят, что режиссер, почувствовав, что актеры теряют нить игры, даже побежал за сцену, чтобы помочь им, а Горацио, которого играл актер Сказкин, увидев, в каком состоянии мой муж, даже забыл свою роль. Окончание спектакля они скомкали. Никто не мог даже представить себе, что Зайдель умирает. Говорят, в этот вечер аплодисменты были особенно бурными. Смерть под аплодисменты... Наверное, так и должны уходить великие актеры. Только мне от этого совсем не легче.

Она перевела дыхание и продолжала:

– Наверное, каждый большой актер мечтает умереть именно так, как погиб Зайдель, под аплодисменты в спектакле великого драматурга. Умереть на сцене – что может быть лучше для

артиста? Но он даже не понял, что именно произошло, когда Морозов нанес ему этот удар. А потом оказалось, что рапира была заточенной и острое вошло прямо в сердце, пробив желудочек. Муж умер на месте. Тело отправили в больницу, все проверили, возбудили уголовное дело. Какой-то важный следователь все время допрашивал актеров. Он мне сразу не понравился. Такой надутый индюк, который ничего не понимает ни в театре, ни в жизни. И через два месяца вынесли заключение, что это был несчастный случай. Среди театральных рапир случайно оказалась рапира, которая была заточена. Никто так и не нашел виновных. Главным виновником случившегося назначили заведующего реквизитом Арама Саркисовича Аствацатурова. Милый старик, который очень хорошо относился к мужу. Ему объявили строгий выговор, и на этом все закончилось. А мужа похоронили на Ваганьковском кладбище и написали, что театральная общественность потеряла выдающегося Мастера. Только мне, повторяю, от этого не легче.

Она замолчала и взглянула на своих гостей.

– Соболезную вам еще раз, – тихо сказал Дронго, – и понимаю ваше состояние. Значит, получается, что актер, игравший Гамлета, ударил вашего мужа рапирой, которая была заточена, и попал ему в сердце?

– Да. И самое неприятное, что он точно знал о том, что рапира была острой. Но все равно ударил с такой силой... Эйхвальд говорит, что актер в этот момент обязан был забыть обо всем и играть по системе Станисловского, отрешаясь от всего, что может ему помешать. Но актер обязан был помнить о том, что рапира была острой. Он мог бы ударить немного слабее.

– В роли Гамлета был Марат Морозов?

– Да. Наша восходящая звезда. Я ничего не могу сказать, Марат действительно известный актер, но, по-моему, он просто завидовал моему мужу.

– Почему вы так думаете?

– Натан Леонидович стал заслуженным артистом в двадцать шесть лет, это было еще при Советском Союзе. А народным – в тридцать три. Тогда, перед распадом страны, Горбачев дал звания целой группе актеров. Присвоил звания народных артистов СССР Пугачевой и Янковскому, а народным артистом России стал тогда Зайдель. Ну и потом, уже позже, получил две государственные премии. А Морозов считается нашей восходящей звездой. Но заслуженного актера он получил только в тридцать лет. И очень хочет стать народным, хотя ему только тридцать восемь. Или уже тридцать восемь. Эти амбиции у него проявляются все время. Вы знаете, считается, что в стране есть пять известных актеров его поколения. Пять «М», как их все называют. Пять самых знаменитых актеров: Машков, Миронов, Меньшиков, Маковецкий – и Морозов. И, конечно, Морозов – один из самых перспективных. Он нравится женщинам, у него очень известные роли, и он работает у самого Эйхвальда, имеет хорошую прессу, благоприятное отношение критиков. Но до сих пор не получил народного. Я не знаю, как будет сейчас, но говорят, что спектакль «Гамлет» все равно выдвинут на Государственную премию. Мужу, наверное, дадут ее посмертно, если вообще о нем вспомнят.

Она замолчала, отвернувшись в сторону. Достала платок, вытерла глаза, взглянула на Дронго.

– Я не могу и не хочу поверить, что это был несчастный случай и никто не виновен в смерти моего мужа. У меня двоюродный брат работает в Новосибирске в милиции. Он рассказал мне, что вы один из самых лучших экспертов. Вы можете расследовать это преступление и найти преступника. Я человек небедный, Натан оставил мне достаточно денег на то, чтобы не умереть с голоду. Я готова оплатить все ваши расходы. Но я нуждаюсь в вашей помощи, господин Дронго. Пожалуйста, не отказывайте мне в моей просьбе! Мне очень важно понять, что именно произошло в тот вечер на спектакле, где погиб мой муж.

Глава 3

Дронго молчал. Сидевший рядом Вейдеманис незаметно толкнул его в бок. Молчание затягивалось.

– Вы не согласны? – спросила Нина упавшим голосом.

– Я думаю, что еще никогда не занимался столь странным делом, – признался Дронго, – когда театр и жизнь так сильно переплетались бы друг с другом. Я могу узнать, почему вы не верите, что эта рапира оказалась заточенной случайно?

– Дело в том, что примерно через два-три месяца после смерти мужа ко мне пришел Арам Саркисович, – пояснила Нина Владленовна. – К этому времени его уже дважды допрашивал следователь, и он рассказал ему о том, что в реквизит случайно попала заточенная рапира. Но это была не случайность. Дело в том, что в некоторых спектаклях нужно, чтобы рапира протыкала, например, емкости с жидкостями или разрывала бумагу... В общем, иногда нужна бывает заточенная рапира. И среди всех рапир одна была заточенной. И именно она не должна была попасть в руки актеров в спектакле «Гамлет». Следователь пришел к выводу, что эта рапира случайно попала туда, так как ее перепутали с остальными. Вроде все правильно. Но Арам Саркисович уже после случившегося, когда следователь решил закрыть дело, получил эту рапиру обратно. И убедился, что это совсем другая рапира. На той, которая была заточена, он сделал особые отметки на рукоятке, чтобы не перепутать ее с другими. На рапире, которую ему вернули, таких насечек не было. Рапиру после произошедшей трагедии сразу изъяли, и он не имел возможности ее проверить. Группа крови на ней совпала с группой крови моего мужа. Арам Саркисович честно признался, что боится говорить об этом следователю, так как тот может обвинить его в преднамеренном убийстве. Но мне он решил рассказать об этом.

– Рапиру заменили? – понял Дронго.

– Да, – кивнула она, – и только я об этом знаю. Аствацатуров решился рассказать мне об этом.

– Почему именно вам?

– Они дружили с моим покойным мужем больше тридцати лет. Аствацатуров знал его еще тогда, когда Зайдель учился в театральном институте. Аствацатуров тогда работал завхозом в этом институте. Ему было чуть больше тридцати, а мужу еще не было и двадцати. Ведь Зайдель приехал в Москву из Одессы и не имел здесь жилья. Тогда Аствацатуров разрешал ему ночевать в бытовке. А потом, много лет спустя, уже Зайдель, будучи народным артистом и лауреатом Государственной премии, выбил для своего друга трехкомнатную квартиру в центре города.

– Они так дружили?

– Я бы даже не назвала это дружбой. Просто хорошие знакомые, которые относились друг к другу с особой симпатией. Вот так будет правильно. И поэтому Арам Саркисович пришел ко мне и рассказал об этой проклятой рапире. Он и раньше был убежден, что не мог перепутать клинки.

– Тогда получается, что кто-то нарочно заточил рапиру и подложил ее в реквизит к спектаклю «Гамлет», – понял Дронго.

– Вот так и получается, – согласилась Нина Владленовна, – но Аствацатуров не может об этом говорить. Честно признался – просто боится. Не хочет опять идти в прокуратуру.

– Чего он боится? Я не совсем понимаю.

– У него были неприятности в середине восьмидесятых, когда начали борьбу с нетрудовыми доходами. Тогда не нашли ничего лучше, как обвинить завхоза театрального института, что он передал часть списанного имущества какому-то студенческому театру. Аствацатуров

тогда ушел из института. А в прошлом году взяли его племянника за какие-то махинации в банке. Вот теперь он и боится, что его могут обвинить в преднамеренном убийстве Зайделя.

– Его прежние дела и даже уголовное дело против племянника не имеют никакого отношения к смерти вашего мужа на сцене театра, – заметил Дронго, – но я могу понять его опасения. Вы кому-нибудь рассказывали об этом?

– Нет, никому. Даже своему родственнику из Новосибирска. Никому не рассказывала. Хотела найти вас, чтобы рассказать только вам.

– Где можно найти Аствацатурова?

– Я могу дать вам его телефоны и адрес.

– Вам нужно будет ему позвонить и предупредить, что я должен с ним переговорить.

– Я могу позвонить прямо сейчас. Что мне сказать ему?

– Попросите быть откровенным и поясните, что я действую в ваших интересах, являясь частным экспертом, а не обычным следователем прокуратуры, из-за которого у него могут быть неприятности.

– Обязательно позвоню. Так вы согласны мне помочь?

– Постараюсь. Но у меня будут три неперемных условия.

– Я готова на все ваши условия. Назовите сумму.

– Подождите, – поморщился Дронго, – дело не в сумме. Первое условие – вы никому и ни при каких обстоятельствах не говорите о нашей договоренности без моего согласия. И второе – информируете меня обо всем, что узнаете в процессе расследования. А третье условие – самое принципиальное и самое важное. Если я начинаю свое расследование, то веду его так, как считаю нужным, и вы не можете вмешиваться или просить меня прекратить его.

– Этого никогда не будет, – твердо пообещала Нина.

– Тогда мы договорились. А теперь давайте поговорим о театре, в котором служил ваш муж. Некоторые мои вопросы покажутся вам наивными, некоторые, возможно, излишне прямолинейными, некоторые неприличными, а некоторые просто неприемлемыми. Но я пришел сюда не для того, чтобы удовлетворять свое любопытство. Я обязан найти убийцу вашего мужа.

– Я отвечу на все ваши вопросы, – упрямо сказала она. – Но вы еще не назвали суммы...

– А вы еще не ответили на мои вопросы, – напомнил Дронго. – Хорошо. Вы выплачиваете мой гонорар независимо от результата, плюс все накладные расходы, которые могут возникнуть в процессе расследования.

– Согласна.

Он назвал сумму. Нина кивнула в знак согласия. Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот достал блокнот и ручку, чтобы отмечать самые важные моменты. Хозяйка поправила волосы, понимая, что сейчас последует необычный разговор. И Дронго задал первый вопрос, который ее удивил более всего.

– Это ваш первый брак? – спросил он.

– Нет, – удивленно ответила она, – второй.

– Сколько лет вы были замужем за Натаном Леонидовичем?

– Восемь. Мне было чуть больше тридцати, когда мы познакомились. Я работала журналисткой, а Зайдель уже был известным актером.

– У вас есть дети?

Нина чуть покраснела.

– Простите, я не совсем понимаю, какое это имеет отношение к убийству моего мужа.

– Я уже сказал, что провожу расследование так, как считаю нужным, – пояснил Дронго, – а имущественные вопросы всегда очень важны при расследовании любого преступления. Поэтому не стоит удивляться моим необычным вопросам.

– У нас не было детей, – ответила она с некоторым вызовом.

– У него или у вас? Я могу узнать, почему у вас не было детей?

Она покачала головой.

– Не думала, что это будет так сложно. Следователь не задавал мне таких вопросов.

– Поэтому он так быстро и закрыл дело, – напомнил Дронго. – Итак, почему у вас не было детей?

– Он не очень хотел, – нехотя призналась Нина, – у него уже есть дети от первых браков. А когда мы решились... в общем, выяснилось, что я уже не могу родить.

– Почему «уже»?

Она снова чуть покраснела.

– Я делала аборт. Дважды. Когда была замужем в первый раз. Я была тогда студенткой, а муж – сыном известного человека. Тогда я была вдвое стройнее. Но он пил и увлекался наркотиками. Я не решилась родить ни в первый раз, ни во второй. Было слишком опасно, ведь все это могло повлиять на детей.

– Где сейчас ваш первый муж?

– Погиб в автомобильной катастрофе пять лет назад, – сообщила она. – Вот такая у меня судьба: оба мужа погибли в результате несчастных случаев, хотя во втором случае это было преднамеренное убийство.

– А в первом он погиб, уже не будучи вашим мужем, – решил поддержать ее Дронго. – Вы сказали, что у Зайделя были дети от первых браков...

– Да. Я была его четвертой супругой и оказалась последней, – ответила Нина.

– Я могу узнать, кем были первые три его супруги и когда он женился? Если, конечно, вы об этом знаете.

– Об этом можно прочесть и в его биографии на сайте театра, – недовольно заметила она. – Первый раз он женился еще будучи студентом. Он уже оканчивал институт, когда к ним поступила Ольга Штрайниш. Говорят, что она была самой красивой студенткой в институте, и все преподаватели были в нее влюблены. Но перед обаянием Зайделя она не устояла. Когда они поженились, ему было двадцать четыре, а ей двадцать. У них родился сын Эдуард. Ему сейчас двадцать восемь. Он занимается бизнесом, торгует компьютерами. Очень похож на мать – и характером, и внешностью. На отца совсем не похож.

– Он часто бывал у вас?

– Ни разу. У них с отцом были сложные отношения, и я думаю, что в этом была виновата мать Эдуарда. Она была слишком красивой и считала, что молодой небогатый актер явно не может соответствовать ее запросам. Тогда у нее был настоящий звездный период. Режиссеры мечтали снимать ее, приглашения сыпались одно за другим. Зайдель тогда был не столь популярен. И, конечно, у нее появились поклонники – и среди тогдашнего партийного аппарата, и среди известных актеров. Зайдель был слишком гордым человеком, чтобы это долго терпеть. Когда она в очередной раз не вернулась после съемок фильма, а уехала на юг с известным режиссером, он просто собрал вещи и ушел из дома. Они прожили вместе не больше четырех лет. И сразу после развода она переехала к этому режиссеру, а сына отправила к своей матери.

Она вообще всегда была очень практичным человеком. В девятые годы, когда все пытались выжить, она вышла замуж за известного бизнесмена, который считался одним из самых богатых людей России на тот момент. Ну а уже в новом веке она быстрее других поняла, что время бизнесменов закончилось, и снова вернулось время чиновников. Вот так она удачно вышла замуж в третий раз – за высокопоставленного чиновника, который раньше работал в кабинете министров, а сейчас – в аппарате президента.

А Зайдель через некоторое время после их разрыва женился на Лиане Смильгис. Может, вы помните, была такая телеведущая. Она была на год старше Зайделя, обоим было под тридцать. Это было как раз в конце восьмидесятых, самое сложное время. У них родилась дочь Марина. Зайдель рассказывал мне, с каким трудом он доставал молоко для дочери. Говорят, что трудности в браке закаляют людей. На самом деле трудности быстрее разобьют семейные

пары. Не все выдерживают подобные испытания. Через три года они разошлись. Правда, на этот раз никакого скандала не было, все прошло мирно и спокойно. Натан Леонидович к этому времени был уже известным актером, получил народного, а его супруга хотела эмигрировать. Они развелись, и Лиана уехала с дочерью в Германию к родственникам. Сейчас они живут в Магдебурге, но несколько раз приезжали в Москву, я их видела. Лиана вышла замуж за немца, у них хорошая семья. Немец – вдовец, у него были свои две дочери, а вместе с Мариной стало три. Марина взяла фамилию своего отчима, но очень хорошо относилась и к своему родному отцу. Очень симпатичная молодая женщина, копия самого Зайделя. Она очень переживает смерть Натана Леонидовича, приезжала сюда на сороковой день, много плакала.

Третьей женой Зайделя была итальянка Альберта Фрацци. Они были женаты примерно полтора года. Потом выяснилось, что Альберта предпочитает свободные отношения, и они быстро развелись. После этого Зайдель несколько лет жил холостяком, и только когда ему было за сорок, решил жениться в четвертый раз. На этот раз его супругой оказалась именно я. Он часто говорил, что должен был встретить меня гораздо раньше.

– У него была довольно бурная личная жизнь, – не удержался Вейдеманис.

– Нормальная для такого известного актера, каким был Зайдель, – возразила Нина Владленовна. – Есть такие актеры и актрисы, которые позволяют себе гораздо больше, чем Зайдель, не обладая ни его талантом, ни его обаянием.

– Насколько я понял, вы его единственная наследница? – уточнил Дронго. – Если дети совершеннолетние и нет конкретного завещания...

– Кто пишет завещание в пятьдесят два года? – перебила его Нина. – Конечно, никакого завещания нет, и я – его единственная наследница. Так мне и в нотариальной конторе сказали.

– Правильно сказали. Он дружил близко с кем-нибудь из театра? Кто чаще других приходил к вам?

– Несколько раз мы были в компании с режиссером Эйхвальдом, – вспомнила хозяйка дома, – в театре не дружат, там служат. Считается, что это родной дом актеров. На самом деле – серпентарий, где все, как змеи, пытаются ужалить друг друга. Все эти театральные и творческие коллективы на самом деле сборище людей, которые ненавидят и завидуют друг другу. На Западе такого нет, там актеров собирают для конкретной премьеры и потом распускают. У каждого своя роль, никто не болтается без дела. У них нет театров с постоянной труппой, где интриги зреют годами. А эти так называемые творческие союзы? Я ведь работала корреспондентом популярной газеты, бывала на собраниях писателей. Господи, как они все ненавидят друг друга! Как они завидуют друг другу и не выносят успеха своих коллег. Самые талантливые и успешные давно махнули рукой на все эти творческие союзы, а остальные продолжают ненавидеть и завидовать друг другу. Так и в наших театрах, где постоянные театральные коллективы со своими интригами, изменами, прелюбодеяниями, злодействами и предательством.

– Тогда получается, что он ни с кем из театра близко не дружил? – еще раз уточнил Дронго.

– Дружил, конечно. К нам часто приходил Марк Давидович Догель. Он играл в этом спектакле Полония. Они дружили с Натаном Леонидовичем. Еще бывали два актера. Игнат Сказкин – он играл Горацио в этом спектакле – и Шурик Закусов. Со Сказкиным Зайдель учился вместе в театральном, на одном курсе. Пожалуй, все.

– Кого играл Закусов?

– Он в этот вечер вообще не играл, – вспомнила Нина Владленовна.

– Сейчас спектакль сняли с репертуара?

– Конечно, нет. Спектакль идет при любых обстоятельствах. Даже после смерти Зайделя. Знаете, когда произошла трагедия с Караченцовым и стало понятно, что он, возможно, никогда не сможет вернуться в театр, главный режиссер «Ленкома» принял решение заменить его другим актером. Хороший актер, но не Караченцов. И спектакль сразу лишился того нерва,

которым был на сцене сам Караченцов. Я посмотрела спектакль. Все было правильно, хорошо, нормально. Все актеры играли в полную силу, новый исполнитель очень старался. Но все было совсем иначе. Эйхвальд решил, что вместо моего погибшего мужа короля будет играть Семен Бурдун, который до этого играл могильщика. Играл он действительно потрясающе. А на его роль назначили Шурика Закусова. Сейчас некоторые считают, что Закусов играет могильщика даже лучше маститого Бурдуна. Он вносит в роль своеобразный юмор, а у Бурдуна Могильщик был слишком монументальным.

– Это вы так считаете?

– Нет, критики. Можно прочесть, что они пишут о новом спектакле. Но в то же время считается, что Бурдун не может пока соответствовать уровню Зайделя.

– У вашего мужа были враги?

– Не знаю. Наверное, как и у всякого успешного актера, его не все любили. Посмотрите, как относятся к нашему известному режиссеру, который снял фильм о войне. Многим не понравился слоган – «Великий фильм о великой войне». Его недоброжелатели готовы его просто уничтожить. Я точно знаю, что сам Бурдун не очень любил моего мужа.

– А Морозов, игравший Гамлета?

– Думаю, что тоже недолюбливал. Но никогда этого не показывал. Был вполне сообразительным, чтобы не показывать этого.

– Он знал, что рапира заточена?

– Конечно, знал. Они с Шунковым ведь сначала поранили друг друга этой рапирой. А уже потом Морозов проткнул моего мужа. Он обязан был остановиться, но в этот момент даже не подумал о том, что острое попадет ему в сердце. Я не хочу думать, что он сделал это намеренно, но все же не могу избавиться от этой мысли. Следовательно посчитал, что это была трагическая случайность.

– Если бы Морозов знал заранее о том, что рапира заточена, он бы не позволил Лаэрту нанести себе ранящий удар, – напомнил Дронго.

– Да, – согласилась она, – я об этом даже не подумала. А вам не кажется, что они могли нарочно разыграть с Шунковым такую сцену, чтобы отвести от себя подозрения?

– Вы все-таки считаете, что это актеры нарочно подстроили убийство вашего мужа?

– К реквизиту могли получить доступ только люди, занятые в спектакле, – пояснила Нина. – А после того как Аствацатуров рассказал мне об этих насечках на рапире, я поняла, что мои подозрения более чем обоснованны. И я уверена, что это сделал кто-то намеренно. Более того, есть конкретный человек, которого я подозреваю.

– Вы можете сказать – кого именно?

– Поэтому я вас и позвала. Она всегда ненавидела и завидовала ему. Вот уже много лет. И она вполне могла подстроить это убийство. Говорят, что в тот момент, когда Гамлет ударил короля рапирой, она даже приподняла голову – хотя, если строго следовать Шекспиру, она должна была лежать мертвой и не двигаться.

– Вы имеете в виду королеву?

– Именно ее. Ольгу Шахову, которая была в этот вечер на сцене вместе с моим мужем.

– Но почему вы считаете, что она его ненавидела? У вас есть какие-то основания?

– Более чем. Она ненавидит его с тех пор, как они расстались. И передала эту ненависть их сыну, которому не позволяла много лет встречаться со своим отцом. Я не сказала вам главного. Ольга Сигизмундовна Шахова на самом деле – Ольга Штрайниш, первая супруга Натана Леонидовича. Шахова – ее сценический псевдоним. Они расстались давным-давно, и так получилось, что Эйхвальд пригласил ее в свой театр пять лет назад, хотя, насколько я помню, Зайдель был категорически против такого партнерства. Но тогда Эйхвальду позвонили из очень высоких чиновничьих верхов, и он ничего не мог сделать. Моему мужу пришлось согласиться с главным режиссером. И все пять лет она не скрывала своей ненависти к своему бывшему

супругу. Я все время боялась, что произойдет нечто трагическое, что в конечном итоге и случилось.

Дронго взглянул на сидевшего рядом напарника.

– Кажется, ваше дело действительно гораздо сложнее, чем я мог предположить, – сказал он.

Глава 4

Они вышли из дома и сели в машину. Вейдеманис уселся за руль, Дронго устроился рядом, на переднем сиденье.

– Что ты об этом думаешь? – поинтересовался Дронго.

– Настоящий театр Шекспира, – мрачно ответил Эдгар. – Никогда бы не поверил, что подобное бывает и в жизни. Хотя, наверное, поэтому люди во всем мире ходят на Шекспира, ведь он воссоздает подлинные человеческие страсти.

– Теперь нам нужно найти того, кто мог подменить рапиру, – вздохнул Дронго. – С одной стороны, королева – Шахова-Штрайниш. У нее были более чем веские основания ненавидеть своего первого мужа, который ушел, оставив ее с малолетним ребенком. Затем – Семен Бурдун, который получил роль короля только после смерти Зайделя, а до этого был вынужден довольствоваться ролью могильщика уже будучи народным артистом республики. Наконец, Морозов, который нанес ему этот роковой удар. Неудовлетворенность сравнительно молодого актера можно понять. В спектакле, где все должно строиться вокруг него, действует такая эпическая фигура, как Зайдель. Не говоря уже об актерах, играющих Полония и могильщика. Вот тебе и трое подозреваемых. Более чем достаточно для того, чтобы один из них вошел в реквизиторскую и подменил рапиру.

– С чего думаешь начинать?

– Поедем к этому Аствацатурову. Нужно узнать все подробности. И постараться понять, как эта заточенная рапира могла оказаться среди реквизита.

Он достал телефон и набрал номер, который дала ему Нина Зайдель. Услышал мужской голос.

– Добрый вечер, Арам Саркисович, – поздоровался Дронго. – Извините, что беспокою вас вечером, но мне нужно срочно с вами переговорить.

– Кто это? – встревожился Аствацатуров.

– Я звоню по поручению Нины Владленовны, – пояснил Дронго.

– Да-да, она меня предупреждала, – быстро ответил Аствацатуров.

– Когда и где мы можем с вами встретиться?

– Когда хотите. Только не дома. Давайте в парке. Недалеко от моего дома есть парк, прямо рядом с метро. Я обычно гуляю там по вечерам. Его очень легко найти, он находится с правой стороны от входа в метро.

– Мы найдем, – сказал Дронго, – я знаю, где вы живете. Ждите нас минут через сорок. Договорились?

– А как я вас узнаю? – уточнил дотошный Арам Саркисович.

– Двое самых высоких мужчин, которые там будут, – улыбнулся Дронго, – я думаю, вы нас сразу узнаете. На всякий случай я скажу, что пришел от Нины Владленовны, если это вас устроит.

– Правильно, – согласился Аствацатуров, – встретимся через сорок минут. А вы действительно частный эксперт?

– Не беспокойтесь. Я точно не из прокуратуры и не из милиции. Разве Нина Владленовна не сказала вам об этом?

– Конечно, сказала. Но сегодня, знаете ли...

– Знаю. Поэтому прошу вас не беспокоиться.

Они подъехали ровно через сорок минут, вышли из машины и направились в парк. Тот был довольно большим, но они понимали, что Аствацатуров будет ждать их рядом со станцией метро. Поиски ни к чему не привели. Минут через десять они вернулись ко входу в парк, и тут увидели спешившего к ним человека лет шестидесяти пяти. Он был среднего роста, одутло-

ватый, с большим характерным носом, печальными глазами и седой головой. Подойдя к ним, мужчина замер, словно ожидал пароля.

– Вам привет от Нины Владленовны, – сказал, скрывая улыбку, Дронго.

– Очень приятно, – протянул руку Аствацатуров. – Я давно вас увидел, но прятался в кустах.

– Почему?!

– Не знаю. Честно говоря, я испугался. Вы совсем не похожи на частных детективов. Скорее на высокопоставленных офицеров разведки или ФСБ. Простите меня, но мне так показалось.

Дронго улыбнулся.

– Вы можете четко сформулировать, почему вам так показалось?

– Какое-то подспудное ощущение... Вы ведете себя слишком профессионально. Смотрите по сторонам, и видно, что все замечаете. Оба спортивные, подтянутые, несмотря на то, что вам обоим за сорок. Я видел однажды частных детективов, они приходили к нам. Типичные «качки» с большими пивным животами.

– Ясно, – улыбнулся Дронго. – Должен вам сказать, что вы не ошиблись. Мой друг Эдгар Вейдеманис много лет работал в разведке и был офицером. Что касается меня, то я был экспертом Интерпола по проблемам преступности.

– Как мне вас называть?

– Меня обычно называют Дронго.

– Очень приятно. Давайте пройдем дальше и сядем на скамейку, – предложил Аствацатуров, – в глубине парка есть места, где нас никто не потревожит. Не забывайте, что я живу здесь уже очень давно.

Они прошли в глубь парка, устроились на скамейке, отделенной деревьями и кустами от основной дорожки. Аствацатуров тяжело уселся на скамью, внимательно глядя на обоих напарников.

– Я вас слушаю, – кивнул Арам Саркисович.

– Должен сразу сказать, что Нина Владленовна рассказала нам о вашем визите к ней, – начал Дронго, – после того, как вам вернули эту злосчастную рапиру.

– Они нам ее не вернули, – возразил Аствацатуров, – они мне ее только показали. Она меня не так поняла. Что, в общем, неудивительно. Потерять такого мужа...

– У вас нет этой рапиры?

– Нет, конечно. Следователь сказал, что это вещественное доказательство. Несчастный случай с Натаном Леонидовичем произошел именно с этой рапирой, и нам ее решили не возвращать. В первый раз, когда меня вызвали на допрос, мне ее даже не показывали. А во второй раз, когда следователь уже все выяснил и решил закрыть дело, он показал мне эту рапиру. Я чуть не вскрикнул. Это была совсем другая рапира. Но я решил, что ничего не нужно говорить. Если рапиры просто перепутали, то мне объявят выговор и на этом все закончится; так, в общем, и получилось. А если выяснится, что рапиру заранее подменили, то меня привлекут к уголовной ответственности за пособничество в умышленном убийстве. А в мои годы садиться в тюрьму, да еще при моем диабете – это верная смерть.

Он тяжело вздохнул, достал носовой платок и вытер лицо. Взглянул на Дронго.

– Разве вы со мной не согласны? Я поступил неправильно?

– Пока не знаю, – честно ответил Дронго. – Как юрист, я, безусловно, должен осудить ваше молчание, но, как обычный человек, понимаю вашу озабоченность. Итак, давайте по этим рапирам. Сколько клинков хранится в вашем реквизите?

– Восемь, – ответил Аствацатуров, – восемь заточенных рапир, которые всегда лежат у нас на полке в шкафу. И я лично запираю этот шкаф.

– Но у вас были и заточенные рапиры?

– Две. Не очень заточенные, но острые. Они иногда бывают нужны в театре для какой-либо конкретной сцены. Но эти рапиры хранятся отдельно, в этом шкафу, но на другой полке. Обычно они перевязаны желтыми ленточками, и на рукоятках обеих я сделал специальные насечки, чтобы не перепутать их с другими.

– Про насечки вы следователю тоже не сказали?

– Нет. Я был уверен, что это та самая рапира. Даже не мог подумать, что ее могли заменить...

– После смерти Зайделя следователь разве не проверял эти рапиры?

– Конечно, проверял. Все восемь рапир были доставлены на сцену. Незаточенные. А заточенные оставались в шкафу. Мы все проверили, и оказалось, что в шкафу осталась одна заточенная и одна незаточенная. Тогда все решили, что рапиры просто перепутали. Семь незаточенных и одна заточенная, которой случайно и ударили несчастного Зайделя. Я тоже был в этом уверен.

– Почему?

– В театре случается все, что угодно, – охотно пояснил Арам Саркисович. – Иногда в последний момент не приходят актеры, иногда нет гримера или осветителя... Столько бывает разных происшествий – можно отдельную книгу издать. И реквизит, бывает, берут на бегу, чтобы успеть передать его актерам. Обычно рапиры забирает мой помощник – Хасай Ханларов. Его тоже допрашивали в прокуратуре, но он, бедняга, вообще ничего не знает. Пришел, забрал, передал. Он числится у нас рабочим и вообще не должен иметь никакого отношения к реквизиту. За все отвечаю я, как заведующий. Я подумал, что Хасай мог ошибиться. Может, он забрал семь незаточенных и одну заточенную. Я действительно так думал до недавнего времени, до тех пор, пока следователь не показал мне этот клинок. И Шунков тоже рассказывал мне, что очень разозлился, когда Марат Морозов, исполнявший роль Гамлета, задел его острием рапиры. Он потом забрал ее и тоже уколол ею Морозова. То есть получилось наоборот, не как в пьесе Шекспира. Сначала Гамлет ранил Лаэрта, потом тот ранил Гамлета. А когда Гамлет во второй раз отобрал рапиру и снова попытался ударить Лаэрта, тот увернулся. А уже потом Гамлет нанес удар королю. Но, конечно, в этот момент он даже не подумал о том, что рапира заточена до такой степени. Так он всем нам потом говорил. И я думаю, что это правда. За сценой стоял наш режиссер Эйхвальд, который ужасно переживал, что актеры сбились с ритма. Поэтому Морозов, увидев, как нервничает главный режиссер, ударил даже сильнее обычного. Вот так все и получилось.

– Давайте про рапиру, – предложил Дронго.

– Это была другая рапира, – сказал Арам Саркисович, – но об этом, кроме меня, никто не знает. А идти сейчас в прокуратуру и заявлять, что рапиру подменили, – значит самому просить, чтобы меня арестовали. Ведь ключи от шкафа и от реквизиторской были только у меня.

– Неужели они не проверяли?

– Конечно, проверяли. Восемь незаточенных и две заточенные. Так указано в нашей инвентаризационной книге. Все совпадает.

– На рапирах не было инвентаризационных номеров?

– На рапирах такие номера не ставят. Но, как я вам рассказал, я сам сделал насечки на заточенных и уверен, что рапиры просто перепутали. И следователь тоже был в этом уверен и поэтому закрыл дело, посчитав, что произошел несчастный случай. Несчастный случай на производстве, как он сам пошутил. Но теперь я понимаю, что рапиру умышленно подменили. Украли одну заточенную и подложили взамен одну тупую, чтобы не вызывать подозрений. И даже ленточкой повязали. А к тем рапирам, что нужны были для спектакля, подложили заточенную.

– Целый заговор, – заметил Дронго, – непонятно только для чего. Ведь если рапиру подменили, то как раз заточенная и должна была оказаться в руках Гамлета.

– Она была не совсем такая, – возразил Аствацатуров, – острая, но не очень. И ей нельзя было нанести такой удар.

– Если все, что вы говорите, правда, то это умышленное убийство, – сделал вывод Дронго, – и это уже не несчастный случай. Таким преступлением должна заниматься прокуратура.

– И тогда получается, что я виноват, – упавшим голосом произнес Арам Саркисович, – ведь ключи были только у меня.

– Про ключи я уже слышал. У кого еще могли быть ключи? Есть ли копии?

– Конечно, есть. Они у нашего завхоза Дениса Крушанова. Но он никогда и никому их не дает, в этом я уверен. Следователи его тоже допрашивали. И ключи забирали на экспертизу. Замки на дверях и в шкафах никто не ломал. В тот вечер реквизиторскую комнату и шкаф открывал именно я, а уже после этого Хасай забрал рапиры.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот невесело усмехнулся.

– После нашего разговора мы должны искать убийцу, который подстроил это преступление, – сказал Дронго, – но это дело прокуратуры, а не частных экспертов. Нас попросили уточнить детали несчастного случая, а после вашего рассказа мы должны искать преступника, который придумал такой страшный план.

– Не знаю, – тяжело вздохнул Аствацатуров, – я долго колебался, прежде чем решился все рассказать Нине Владленовне. Но вы знаете, я очень уважал Натана Леонидовича. Это он помог мне перейти в театр, сделал меня заведующим реквизитом, помог получить квартиру. Я считал себя обязанным ему.

– Она говорила, что у покойного были напряженные отношения с некоторыми актерами.

– В театре всегда так: свои интриги, свои трудности... Все, как в других театрах.

– Это не ответ. Кто более других не любил Зайделя?

– Наверное, Ольга Сигизмундовна, – немного подумав, ответил Аствацатуров, – они даже не подавали друг другу руки. А когда играли в спектакле, то смотрели так, словно действительно были любовниками. Что значит большие актеры! Вы бы видели, как они играли супружескую пару в «Макбете»! Никто бы не подумал, что они бывшие муж и жена. Знаете, я до сих пор не могу спокойно смотреть «Анну Каренину». Помните старый фильм Зархи? Ведь Самойлова и Лановой играют любовников уже после того, как они были мужем и женой и даже успели развестись. Вот что значит – настоящие актеры. Играть в кино любовь Карениной и Вронского сразу после развода... Представляю, как им было сложно и тяжело.

– Их взаимная неприязнь как-то проявлялась? Я имею в виду покойного Зайделя и Ольгу Шахову?

– Конечно, проявлялась. Вообще весь театр был разделен на несколько мини-коллективов. Первая группа поддерживала Зайделя, вторая была горой за Ольгу Сигизмундовну, а у молодых лидером считается Марат Морозов. Только такому опытному мастеру, как Эйхвальд, удавалось держать такой коллектив в узде, не давая им по-настоящему враждовать друг с другом. Может, поэтому спектакль «Гамлет» и получился таким выразительным и ярким. Там каждый пытается сыграть главную роль.

– А Семен Бурдун, он ведь тоже народный артист. Он к какой группировке принадлежал?

– Семен поддерживал Ольгу Сигизмундовну – он ведь человек опытный, всегда держал нос по ветру.

– А Догель?

– Он из группы Зайделя. Я даже думаю, что сейчас он попытается заменить Натана Леонидовича в качестве негласного руководителя этой группы актеров. Такая своеобразная группа ведущих, которая будет всегда пользоваться поддержкой нашего режиссера.

– Нужно чертить целые схемы, чтобы понять, какие страсти кипят в вашем театре, – недовольно заметил Дронго. – А теперь давайте более конкретно. Кто, кроме вашего завхоза, мог получить доступ к ключам?

– Никто. А он человек опытный и никому ключи не дает.

– Тогда кто мог взять ваши ключи?

– Они всегда со мной. Там ведь не только рапиры. Есть копии пистолетов, автоматов...

Я за все отвечаю.

– А каким образом рабочий получает доступ к вашему реквизиту?

– Когда идет спектакль, Хасай заранее выносит все из нашего склада по списку, который утверждается директором. Я открываю комнату и шкаф, разрешая ему забрать все, что необходимо. Там ведь много костюмов, разного оружия, доспехи, длинные пики, кинжалы... «Гамлет» вообще костюмированный спектакль, в котором дерутся на рапирах и ходят в одеждах того времени. Для Офелии мы даже сшили специальное платье на заказ.

– Кто играл Офелию?

– У нас две актрисы на эту роль. В тот вечер ее играла Светлана Рогаткина. Очень симпатичная девушка, протеже самого Эйхвальда. Она из Сибири, ей только двадцать шесть лет. Но выглядит гораздо моложе.

– Она из какой «группы»?

– Думаю, что она из «морозовцев». Большинство молодых поддерживают Марата Морозова.

– А Федор Шунков, который играл Лаэрта?

– Он не очень любит Морозова. Уверен, что Федор за Шахову. В театре даже говорят, что он ее протеже. Она ему симпатизирует.

– А Горацио?

– Его играл Сказкин. Знаете, он ведь учился с самим Натаном Леонидовичем. Но потом у него не очень получилось, как-то не сложилось. Эйхвальд дал ему эту роль, хотя сам говорил, что Горацио должен быть моложе. Но Сказкин очень здорово играл, и все это признавали.

– Он из группы Зайделя?

– Безусловно.

– Еще был Озрик, который подавал рапиры, – вспомнил Дронго.

– Вы так хорошо знаете трагедию? – удивился Аствацатуров.

– Я просто люблю Шекспира. Кто играл Озрика?

– Молодой актер. Он у нас в театре совсем недавно. Переехал из Ростова. Юрий Полуяров.

– Тоже из «морозовцев»?

– Да, – улыбнулся Арам Саркисович. – Я понял, что вы уже разобрались в наших внутренних интригах...

– Не без вашей помощи, – согласился Дронго. – А теперь самый главный вопрос. Какие отношения были у вашего главного режиссера Зиновия Эйхвальда и погибшего Натана Леонидовича?

– Творческие, – немного подумав, ответил Аствацатуров. – Они ужасно ругались на репетициях, но потом вместе отправлялись в ресторан, чтобы помириться. Зайдель считался не просто ведущим актером театра. Я бы даже сказал, что он был любимым актером Эйхвальда. Так все говорили, и это была правда. Вы знаете, после смерти Зайделя наш главный режиссер несколько дней не ходил в театр, так сильно он переживал этот несчастный случай. И пришел только на похороны, когда Натана Леонидовича выносили из театра. Вы бы видели, сколько людей пришли его проводить!.. А вот Ольга Сигизмундовна не пришла. И Семен Ильич тоже не пришел. И все это заметили.

– Шахова и Бурдун не пришли на похороны? – переспросил Дронго.

– Не пришли, – подтвердил Аствацатуров, – и я думаю, что это было очень некрасиво с их стороны.

– Насколько я понял, нам просто необходимо будет побеседовать с Ольгой Сигизмундовной насчет этого убийства.

– Не советую. Она не станет с вами разговаривать, как только узнает, чем именно вы занимаетесь. Она даже следователя прокуратуры послала так далеко, что он не посмел ей возражать. Вы, наверное, слышали о ее нынешнем супруге?

– Высокий чиновник? – усмехнулся Дронго.

– Очень высокий. Заместитель руководителя администрации президента. Следователь не посмел даже вызвать ее на допрос, сам приезжал в театр. Боюсь, что она вам откажет. Просто не захочет разговаривать.

– А если обратиться за помощью к ее мужу? – предположил Вейдеманис.

– Она не тот человек, которого можно убедить или уговорить, – осторожно ответил Аствацатуров, – слишком гордая и самоуверенная. В театре ее так и называют – наша Королева.

– А если обратиться к Эйхвальду, – спросил Дронго. – Ведь она актриса. Неужели и в этом случае откажет?

– Ему, конечно, не откажет, – согласился Арам Саркисович, – но тогда сначала вам нужно будет убедить именно его, а это тоже сложная задача. Он ведь человек непредсказуемый. Гении вообще люди очень непредсказуемые, а Эйхвальд безусловный гений.

– Неужели у него нет своих слабых сторон?

Аствацатуров на минуту задумался. И только затем откровенно ответил:

– Красивые молодые женщины – это его слабость. В настоящее время его протеже – Света Рогаткина, которая играет Офелию.

– То, что он женат, ему не мешает, – Дронго не спрашивал, он утверждал.

– Конечно, не мешает, – улыбнулся Арам Саркисович. – У него уже есть внуки, но считается, что чувство влюбленности только помогает главному режиссеру в его работе. Вы слышали о театральных легендах про Олега Ефремова? Он ведь абсолютно объективно был не очень красивым человеком, особенно в зрелые годы. Вытянутое лицо, мешки под глазами, часто злоупотреблял алкоголем, много курил... Но в него были влюблены все женщины и не только в театрах, где он работал. Ему достаточно было появиться где-нибудь, как в него влюблялись все – таким мужским магнетизмом он обладал. Эйхвальд почти мой ровесник. Он тоже много курит, хотя и не злоупотребляет алкоголем. И его нельзя назвать очень красивым человеком. Но в него влюблены все женщины не только в нашем театре, но и вообще в этом городе. Талант не требует совершенного физического обрамления. Говорят, что один из великих пианистов, не отличавшийся особым физическим совершенством, часто говорил, что ему нужно только довести любую женщину до фортепиано. Наверное, так оно и было. А сколько дураков-актеров, в которых влюбляются многие умные женщины! Я уже не говорю про женщин-актрис, идеальных пустышек, в которых влюбляются очень умные мужчины. С точки зрения интеллекта Эйхвальд – вычислительная машина последнего поколения, а Света Рогаткина – допотопные счеты из прошлого века, при этом я делаю ей огромный комплимент.

– Тогда все понятно, – улыбнулся Дронго. – Когда Эйхвальд бывает в театре?

– Завтра утром у него репетиция. Но на репетицию вам лучше не приезжать. Он не любит, когда его отвлекают.

– Когда закончится репетиция?

– По графику должна в два часа. Но Эйхвальд раньше четырех не заканчивает. Об этом все знают.

– Тогда завтра приедем к вам часа в три, – решил Дронго, – если, конечно, вы поможете нам войти со служебного входа.

– Это я сделаю.

– И организуете нам встречу с вашим завхозом, – попросил Дронго. – Спасибо вам за информацию, Арам Саркисович.

Он поднялся со скамьи. Вейдеманис поднялся следом. Последним не спеша поднялся Аствацатуров.

– Можно один вопрос? – неожиданно спросил он.

– Конечно, – кивнул Дронго.

– Вы из Баку? – спросил Арам Саркисович.

– Да, – ответил Дронго. – Очевидно, вы тоже?

– До шестнадцати лет жил в Баку, а потом наша семья переехала в Краснодар. Еще полвека назад. Отец был военным интендантом, – сообщил Аствацатуров, – следовательно даже удивлялся, как мы работаем с Хасаем Ханларовым. Он азербайджанец, а я армянин. А мы работаем вместе уже много лет и очень дружим. Успехов вам, – он протянул руку.

– После вашего рассказа об этих рапирах найти убийцу будет не так легко, – заметил Дронго, пожимая ему руку.

– А я думаю, что легко, – возразил Арам Саркисович, – ведь понятно, что это сделал кто-то из наших. Чужой не сумел бы зайти ко мне в комнату, где хранился реквизит. Дело в том, что я обычно сам дежурю в коридоре вместе с нашим завхозом, и чужой просто не сумел бы пройти мимо нас. Значит, это был кто-то из наших.

– И вы не можете вспомнить, кто именно прошел в тот вечер мимо вас, – понял Дронго.

– Почти все, – ответил Аствацатуров. – Многие получали свой реквизит в соседних комнатах. А рапиры получал актер, игравший Озрика. Всю связку рапир. Ему передал их Хасай Ханларов.

– Не получается, – возразил Дронго, – у Гамлета в руках должна быть рапира, когда он закалывает Полония, а потом у Лаэрта была рапира, когда он врывался к королю и требовал ответа за смерть отца.

– Ой, – удивился Аствацатуров, – вы действительно помните эту трагедию почти наизусть.

– Я же сказал, что люблю Шекспира. Тогда получается, что главными подозреваемыми могут быть как раз Гамлет и Лаэрт. Вернее, актеры, которые их сыграли.

– Да, – тяжело кивнул Арам Саркисович, – похоже, вы правы. Следовательно не так любил Шекспира, как вы.

Глава 5

Все утро Дронго провел за компьютером, внимательно изучая сайт Театра на Остоженке и персональные сайты некоторых известных актеров театра. Особое внимание он обратил на биографию главного режиссера Зиновия Эйхвальда. Родившийся в конце войны в столице Киргизии, которая тогда называлась Фрунзе, он вырос без отца, арестованного в сорок седьмом и погибшего на Колыме в пятьдесят четвертом году. Мать с маленьким мальчиком сначала переехала в Алма-Ату, а затем в Новосибирск, где он и окончил среднюю школу. В семнадцать лет поехал поступать в театральный вуз, куда его сразу приняли – благо, был уже шестьдесят второй год. После окончания училища он был направлен на работу в Псков, откуда через пять лет переехал в Ленинград и проработал несколько лет ассистентом у самого Товстоногова. Затем были театры в Волгограде и Киеве. А в середине восьмидесятых он переезжает в Москву, где ставит несколько нашумевших спектаклей. В конце девяностых создает свой Театр на Остоженке, в котором блистают такие мастера, как Зайдель, Бурдун, Догель и перешедшая сюда Ольга Шахова. Здесь работает один из самых популярных актеров своего поколения Марат Морозов. Почти все спектакли Эйхвальда получают положительную критику и выдвигаются на различные премии. Женат вторым браком, у него двое детей и двое внуков.

Там же приводились короткие биографии основных актеров театра. Среди них было трое народных – погибший Зайдель, Ольга Шахова и Семен Бурдун, а также несколько заслуженных артистов, среди которых Марат Морозов, Марк Догель, Александр Закусов и Юрий Реформаторский, не занятый в спектакле «Гамлет».

Примерно в три часа дня Дронго вызвал Эдгара Вейдеманиса, и они поехали в Театр на Остоженке. Ждавший их у служебного входа Арам Саркисович проводил их в кабинет завхоза. Тот явно волновался и все время поправлял воротник рубашки. Это был мужчина ниже среднего роста, с помятым лицом и растрепанными волосами. Ему могло быть сорок лет, а можно было дать и пятьдесят, и даже все шестьдесят. Он красил волосы и, несомненно, злоупотреблял спиртным, что наложило отпечаток на его лицо. На самом деле Крушанову было только сорок шесть, но выглядел он не очень хорошо. Завхоз страдал от камней в желчном пузыре и гепатоза печени. К тому же он волновался, понимая, что его снова будут расспрашивать о трагедии, произошедшей в их театре. Костюм у него был новый, но довольно мятый, а вот рубашку он надел совсем новую, достав ее из пакета. Он держал две рубашки у себя на работе – как раз для таких особо важных случаев. Увидев гостей, завхоз вытянулся в струнку, словно собирался отдать им рапорт о происходящих в театре событиях. Когда-то он отслужил пять лет прапорщиком в армии и был вынужден уйти из-за своего пристрастия к горячительным напиткам.

– Добрый день, – протянул ему руку Дронго, входя в комнату следом за Аствацатуровым.

– Здравствуйте, – пожал ему руку двумя руками Крушанов. Затем пожал руку Вейдеманису.

– Я пойду и посмотрю, когда закончится репетиция, – предложил Арам Саркисович, – а вы пока побеседуйте.

Он поспешил выйти из комнаты. Дронго первым сел на стул, стоявший у стола. Стул жалобно скрипнул. Очевидно, он тоже был из реквизита театра. Вейдеманис уселся на диван, проваливаясь куда-то вглубь. Крушанов сел на свое место, внимательно глядя на Дронго.

– Вы, наверное, знаете, почему мы пришли, – начал Дронго.

– Осведомлен, – кивнул Крушанов. – Готов оказать посильную помощь.

– Вы были в тот вечер в театре?

– Конечно. Я всегда сам присутствую в театре во время спектаклей. Живу я недалеко, поэтому сам все потом и запираю. Проверяю наших сторожей.

– У кого еще могут быть ключи от комнаты с реквизитом, кроме вас и Арама Саркисовича?

– Больше ни у кого ключей нет. Мы все проверяли. Только у меня и у него.

– И вы никому их не отдавали?

– Никогда. Даже если нужно бывает что-то открыть. Сам иду и открываю. В театре все знают, что я никогда и никому не отдаю ключи.

– И все рапиры лежали в шкафу?

– Точно так. Все десять рапир. Две наверху и восемь на нижней полке.

– А как же получилось, что среди незаточенных рапир оказалась одна заточенная?

– Упали, наверное, из шкафа, – охотно пояснил Крушанов. – Следователь даже проводил следственный эксперимент: положил восемь рапир на нижнюю полку и две на верхнюю. А потом толкнул шкаф, когда двери были открыты. Все рапиры посыпались вниз. Я ему сразу сказал, что шкаф у нас старый, его давно нужно было поменять; когда кто-то пробегает рядом, шкаф трясется. А если дверца открыта, то рапиры обычно падают на пол, и мы их потом кладем на место. Я сам видел, как Хасай несколько раз собирал эти рапиры. Следователь сам толкнул шкаф и убедился, что рапиры из него выпадают. Они ведь не закреплены там, а просто лежат в связке. Вот Хасай и передал все клинки актеру, игравшему Озрика.

– Но до этого рапира нужна была Гамлету, чтобы проткнуть Полония, и самому Лаэрту, чтобы явиться с мятежниками к королю. Значит, Хасай во время спектакля несколько раз подходил к шкафу.

– Правильно, – сразу согласился Крушанов, – и шкаф нужно было держать все время открытым. Не мог же Арам Саркисович бегать во время спектакля и все время открывать и закрывать шкаф. Наверное, рапиры упали, а потом Хасай собрал и отдал их Озрику.

– Следователю вы тоже так сказали?

– Он свой следственный эксперимент провел – и сам во всем убедился.

– Но Морозов ведь знал, что у него заточенная рапира. Почему же тогда он ударил с такой силой?

– Он думал, что ничего плохого не произойдет, – пояснил Крушанов, – но кончик рапиры попал в сердце Натана Леонидовича. Кто мог подумать, что такое случится! Это просто трагическая случайность. Так следователь и написал.

– Аствацатуров сказал нам, что обычно вы дежурите у выхода в коридор, ведущий в комнату, где стоял шкаф. Оттуда можно пройти на сцену?

– Можно. Но там у нас всегда сидит дежурный. А мы с Арамом Саркисовичем с другой стороны коридора стояли. Никто из чужих не проходил, это я вам точно говорю. Только наши актеры, занятые в спектакле. И больше никто.

– Значит, теоретически кто-то из вашей театральной труппы мог проникнуть в комнату, подойти к открытому шкафу и поменять рапиры?

– Мог. Но никто этого не делал. Смерть Зайделя – это трагическая случайность, – повторил слова следователя Крушанов.

– А может, кто-то нарочно подменил рапиру, чтобы Зайделя убили? – спросил Дронго.

– Нет, – сразу ответил Крушанов, – из наших никто не мог такого сделать.

– Почему вы в этом так уверены?

– У нас коммерческий театр. Все заинтересованы в успехе спектакля. Зачем убивать Зайделя, если на него приходит столько зрителей?

– Из желания занять его место. Чувство зависти разрушительно. А ведь кто-то мог ненавидеть Зайделя.

– Если вы про Ольгу Сигизмундовну, то это просто чушь, она очень переживала. Я сам видел, как она переживала.

– Так переживала, что не пришла на похороны отца своего сына?

– Что у них там в молодости было, я не знаю. Только она действительно не пришла. А как она переживала, я сам видел.

– Ее сын бывал в театре?

– Раньше бывал, – нахмурился Крушанов, – но в этом году я его здесь не видел.

– Вы уверены, что никто из чужих не мог оказаться в этом коридоре?

– Сто процентов. С другой стороны – сцена, через нее идти нужно. А с нашей стороны никого из посторонних не появилось. Это точно.

– Вы можете подробно описать последние минуты после окончания спектакля?

– Конечно. Первым понял, что случилось неладное, наш Игнат Сказкин, он же Гораций.

– Горацио, – поправил своего собеседника Дронго.

– Ну да, Горацио. Он сразу хотел помочь Натану Леонидовичу, но было уже поздно. А когда занавес закрылся, мы все подбежали, подняли бедного Натана Леонидовича и вызвали «Скорую помощь». Но было уже слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.